

Как-то незаметно планов на эту ночь резко прибавилось.

Чжао Цзи отставил посуду, поднялся и вышел из Зала Гражданской Добродетели. Солнце уже закатилось за горизонт, оставив на западе лишь узкую, подернутую дымкой алую полосу. На востоке небо наливалось глубокой, густеющей синевой, в которой отчетливо проступил бледный полукруг луны. Надо же, как быстро пролетело время!

Медлить было нельзя. Чжао Цзи велел Сяо Тунцзи предупредить наложницу Го, а сам отпустил слуг. Сделав вид, будто просто вышел подышать воздухом, он, заложив руки за спину, неторопливо двинулся в сторону императорской кухни.

В романе ведь говорилось лишь о том, что Хун Цигун, прельстившись ароматом рагу из пяти сокровищ «Утка-мандаринка», караулил его прямо на крыше. Но вот останется ли он там, когда насытится? Об этом автор умалчивал.

Вдруг этот старый обжора уже набил брюхо и преспокойно убрался восвояси?

Если под крышей кухни действительно прячется он, Чжао Цзи просто обязан его изловить.

Подойдя к дверям, Чжао Цзи инстинктивно затаил дыхание, стараясь не шуметь, чтобы не спугнуть ночного гостя. С минуту он стоял неподвижно, вслушиваясь в тишину, но изнутри не доносилось ни звука. Впрочем, глупо было надеяться на легкую добычу. Там ведь скрывается мастер уровня великого гроссмейстера, один из Пяти великих мастеров! Разве утаишь от него свое присутствие? И разве позволит такой человек себя выдать?

Мысленно махнув на всё рукой, Чжао Цзи поправил халат и уже протянул руку к двери, как вдруг уловил едва заметное, чужое дыхание.

Боевые искусства Чжао Цзи отличались широтой и мощностью, а благодаря внутренней силе его дыхание было ровным и глубоким. Однако в этом крылся и изъян: если он сознательно не задерживал вдох, его присутствие выдавало себя с потрохами.

Но почему же секунду назад, когда он сам замер, в помещении стояла гробовая тишина, а теперь, стоило ему расслабиться, за дверью тоже кто-то затаил дыхание?

Неужели дело было не в его ничтожных навыках и не в запредельном мастерстве лазутчика? Просто их дыхание совпало секунда в секунду, слившись в единый ритм! И стоило Чжао Цзи сбиться с этой случайной волны, как он тут же расслышал чужой, осторожный звук затаённого дыхания.

Но постой, с какой стати одному из Пяти великих мастеров подстраиваться под дыхание неопытного юнца? И почему их внутренние техники звучат в унисон? Разве может он, заурядный дилетант, владеть тем же искусством работы с ци, что и величайший боец

Поднебесной?

Теряясь в догадках, Чжао Цзи толкнул дверь.

В то же мгновение шорох чужого дыхания внутри окончательно оборвался.

В душе Чжао Цзи проснулся задорный мазохизм: ну наконец-то! Вот это почерк мастера!

Понимая, что гость никуда не делся, Чжао Цзи решил не спугнуть его раньше времени и даже не взглянул на потолочные балки. Вместо этого он преспокойно засучил рукава и направился напрямик к плитам.

Приманить Хун Цигуна можно было по-разному, но лучшей наживкой, без сомнения, оставалась еда.

Если уж Хуан Жун умудрилась соблазнить его кулинарными изысками и заставила учить Го Цзина боевым искусствам, то и у него есть шанс. Пусть Чжао Цзи не был великим поваром, но как человек из будущего он мог приготовить что-то простое, но совершенно невиданное для этой эпохи. Уж эффектом новизны он его точно проймет.

Однако не успел он даже разжечь огонь, как кто-то легонько хлопнул его по спине.

Чжао Цзи от неожиданности чуть не подпрыгнул.

Внутри у него всё так и завопило от ужаса.

Неужели приманить Хун Цигуна настолько просто? Стоило встать у плиты — и он тут как тут? Но ведь это императорский дворец! Как посторонний мог вот так просто появиться прямо перед ним?

Нет, здесь что-то не так! Чжао Цзи уже собирался обернуться, но в самый последний момент усилием воли заставил себя застыть.

Дворцовая стража свирепа, за проникновение в покои императора карают смертью — и не только самого лазутчика, но и весь его род. Ни один здравомыслящий вор не станет раскрывать себя перед случайным свидетелем, если только не решит прикончить его на месте. Хун Цигун благороден и не проливает кровь без крайней нужды. Он никогда не выдал бы себя столь глупо.

Тогда кто же застыл у него за спиной?

От этой мысли по хребту Чжао Цзи скатилась крупная капля ледяного пота.

В степях кочевники говорят: если ночью в глуши кто-то похлопает тебя по плечу — не вздумай оборачиваться. Это может быть вставший на задние лапы волк, готовый в ту же секунду перегрызть тебе горло.

Волков во дворце, конечно, не водилось, зато там вполне мог оказаться какой-нибудь безумный убийца, решивший поразвлечься.

Страх липкими щупальцами пополз по спине.

Чжао Цзи напрягся всем телом, мертвой хваткой вцепившись в железную лопатку для готовки. Стоит этому существу подать голос, и он развернется, наотмашь въехав ему тяжелой утварью прямо в зубы.

Коли суждено погибнуть, так хоть обидчику напоследок прилетит!

Напряжение достигло предела, как вдруг со стороны затылка, откуда-то снизу, раздался звонкий, чистый юношеский голос:

— Брат Бай! Ты тоже во дворце?

Чжао Цзи оцепенел. Медленно, не веря собственным ушам, он обернулся и увидел паренька, едва достававшего ему до переносицы. Тот широко и беззаботно улыбался:

— Брат Бай, как ты сюда пробрался? Охрана у этого Старика-императора просто курам на смех: снаружи строго, а внутри гуляй не хочу. Мне, правда, тоже пришлось попотеть, пока пролез.

При упоминании «старого императора» Чжао Цзи мгновенно вспомнил свои утренние смутные подозрения, связанные с цифрой «семь». В его голове сложилась невероятно дерзкая догадка. Сглотнув вставший в горле ком, он с колотящимся сердцем тихо спросил:

— Сяо Ци... твоя фамилия часом не Хун?

Мальчик удивленно моргнул и кивнул:

— Ну да. Брат Бай, а ты откуда знаешь?

Чжао Цзи тихо взвыл и, закрыв лицо руками, обессиленно опустил на корточки.

Со стороны это выглядело на редкость нелепо и совершенно не соответствовало величию монарха. Ни один приличный правитель не позволил бы себе сидеть на полу кухни в такой позе. Но поскольку свидетелем был один лишь Сяо Ци, Чжао Цзи — императору, лишенному всякого напускного пафоса, — было плевать на условности.

Ему хотелось орать во весь голос.

Сяо Ци — это и есть Хун Цигун?!

Он собственноручно кормил великого Хун Цигуна, вдохновенно расписывая ему его собственную будущую славу в Дискуссиях о мечях на горе Хуашань! Пересказывал ему сюжет «Легенды о героях-кондорах»! И этот великий «Северный Нищий», на которого Чжао Цзи еще утром возлагал надежды в борьбе против Оуян Фэна и Южного Императора, сейчас стоит перед ним — обыкновенный недоросль, у которого молоко на губах не обсохло?

Самому Чжао Цзи едва перевалило за восемнадцать, но этот пацан выглядел совсем ребенком. Настоящая эксплуатация детского труда!

Сяо Ци озадаченно поглядел на новоявленного брата Бая, который свернулся калачиком на полу, словно пытался казаться меньше, чем он есть.

— Брат Бай?

Услышав этот искренний, полный доверия голос, Чжао Цзи ощутил укол совести. Он провел ладонями по лицу и, вздохнув, решил открыться:

— Послушай... На самом деле меня зовут не Бай, и я не служу в том поместье. Моя фамилия Чжао. Чжао Цзи.

— Не Бай? Чжао?... Но ведь это императорская фамилия... погоди. Ты... Чжао... — Сяо Ци вытаращил глаза, ошарашенно переводя взгляд с Чжао Цзи на стены кухни.

Чжао Цзи кивнул:

— Да. Мы — правящий император Сун. Мое имя — Чжао Цзи, а до восшествия на престол я носил титул Ван Дуаня. Прежнее поместье, где мы встретились, — это моё Поместье князя Дуаня.

Мальчик испуганно отшатнулся на пару шагов:

— Брат... Брат Чжао! Не шути так. За самозванство ведь и башку снести могут!

Еще минуту назад он преспокойно обзывал правителя «Стариком-императором», но, столкнувшись с живым воплощением верховной власти нос к носу, мгновенно ощутил священный трепет.

Чжао Цзи горько усмехнулся и покачал головой:

— Мне нет нужды лгать. В ту ночь, когда мы встретились, Меня вызвали во дворец, и вдовствующая императрица дала понять, что престол достанется Мне. Мы не желали этой участи. Сгорая от тоски и тревоги, Мы велели слугам оставить Нас одних — и тогда-то и наткнулись на тебя.

Сяо Ци вспомнил их разговор о «работе, которую делать не хочется, но все вокруг заставляют». Его юное мировоззрение затрещало по швам. Быть императором против воли? В уличных повестях говорилось, что ради драконьего трона люди идут по головам и проливают реки крови. Кто-то явно нагло врал — либо книжки, либо этот благородный господин. И Сяо Ци склонялся к первому варианту: причуды этих высокородных господ простому люду вовек не понять.

Тринадцатилетний мальчишка, еще не успевший толком познать жизнь, унаследовал всю живость и упрямство своего возраста. И хотя суровая реальность заставляла детей бедноты взрослеть слишком рано, детская непосредственность порой брала свое.

Кое-как переварив услышанное, маленький нищий наконец сообразил, что держится неподобающе. Даже не согнув спины, он небрежно сложил ладони в приветствии:

— Ваше Величество, Сяо Ци был непочтителен. Прошу, не велите казнить.

Извинение вышло на редкость натянутым. Про себя мальчик уже вовсю заносил обиды на новоиспеченного государя в свой список. Он ведь искренне доверился этому человеку, считал его названным братом, даже отдал ему собственные секретные техники, которые долго по крохам собирал! А тот в ответ просто посмеялся над ним, скрыв даже собственное имя.

«Ну уж нет, — твердо решил про себя Сяо Ци, — с этого дня мы чужие люди».

И надо же было так глупо купиться на речи этого проходимца!